

Въ № 10 „Русскаго Богатства“ 1887 г. г. Мокіевскій помѣстіль рецензію на мою книжку: „Очерки изъ исторіи философіи и пр. Кіевъ, 1887 г.“.

Отвѣтъ на рецензію г. Мокіевскаго.

Въ № 10 „Русскаго Богатства“ 1887 г. г. Мокіевскій помѣстіль рецензію на мою книжку: „Очерки изъ исторіи философіи и пр. Кіевъ, 1887 г.“.

Рецензію эту я не могу оставить безъ отвѣта по естествен-
ному праву каждого человѣка, выступающаго на судъ обществен-
ный съ литературнымъ трудомъ, устранить невѣрное пониманіе
и толкованіе мыслей и цѣлей этого труда, какъ это произошло со
стороны г. Мокіевскаго. Далѣе мои объясненія, по поводу рецен-
зіи г. Мокіевскаго, можетъ быть, будутъ хоть сколько нибудь по-
лезны для разъясненія основныхъ и важнѣйшихъ пунктовъ фило-
софіи, какъ науки, въ которыхъ, какъ извѣстно, царствуетъ рознь
и неопредѣленность понятій не только въ нашей, но даже и въ
европейской литературѣ.

Начну отвѣтъ мой г. Мокіевскому съ благодарности за то,
что онъ почтилъ своимъ вниманіемъ мой скромный трудъ и за то,
что онъ на стр. 237 и 238 призналъ за мной маленькую заслугу,
что я отстаивалъ, по мѣрѣ силь, право философіи на существованіе,
какъ отдѣльной и независимой науки, и на ея руководящее зна-
ченіе въ знаніи и жизни.

Затѣмъ, мнѣ остается пожалѣть, что „почти этимъ и огра-
ничивается единогласіе“ г. Мокіевскаго со мной, а что „во всемъ

остальному онъ принужденъ постоянно оспаривать мои мнѣнія” (стр. 238). Какъ ни горько разногласіе, но известно, что въ нашемъ мірѣ только „*du choc des opinions jaillit la verit !*“ Признавая справедливость этой пословицы, я скажу только, что подъ мнѣніями должно разумѣть ясно и определенно выраженные объими сталкивающимися сторонами мысли, а подъ *столкновеніемъ* дѣйствительное сопоставленіе не только различныхъ мыслей, но и чѣмъ либо обоснованныхъ. Голословное же отрицаніе какого либо мнѣнія безъ замѣны его другимъ, болѣе состоятельнымъ, едва ли будетъ полезно для выработки истины. Съ этими соображеніями я обращусь къ обозрѣнію случаевъ столкновенія моихъ мнѣній съ мнѣніями г. Мокіевскаго и поищу, не окажется ли въ результатахъ этого столкновенія какой либо истины.

Случай первый. Столкновеніе не произошло, потому что г. Мокіевскій только замахивался мнѣніемъ и сбивалъ, какъ говорится, на пустомъ.

Я въ своей книжкѣ мнѣнія, отвергающія философію, какъ науку, раздѣлилъ на два класса: на „скептицизмъ абсолютный, утверждающій, что нѣтъ никакого знанія и науки, и следовательно нѣтъ и философіи и скептицизмъ относительный, признающій существованіе знанія и науки, но отвергающій возможность философіи, какъ науки.“ Г-ну Мокіевскому не нравится эта классификація, но почему она неудовлетворительна и какая правильная классификація, это онъ оставилъ въ тайнѣ. Выписавши мою классификацію, онъ говоритъ: „мы не будемъ настаивать на неудовлетворительности этой классификаціи и на томъ, что авторъ слишкомъ легко раздѣляется съ абсолютнымъ скептицизмомъ;“ и затѣмъ переходитъ къ совершенно другому предмету¹⁾). Могу только серьезно пожалѣть, что г. Мокіевскій не только не „настаивалъ“, но

¹⁾ Я покорнѣйше попросилъ бы моихъ читателей свѣрять мои показанія и со статьей г. Мокіевскаго и даже съ моей книгой, если и то, и другое можетъ случиться у нихъ подъ рукой.

даже ни однимъ словомъ не показалъ неудовлетворительность моей классификаціи и не замѣнилъ ее болѣе удовлетворительной. Далѣе, еще болѣе сожалѣю я о томъ, что онъ ничѣмъ не подкрепилъ свое утвержденіе, что я „легко раздѣляюсь съ абсолютнымъ скептицизмомъ“ и тѣмъ до сихъ поръ оставилъ меня въ вредной иллюзіи, что мое опроверженіе абсолютнаго скептицизма состоятельно. Впрочемъ, тутъ, мнѣ кажется, г. Мокіевскій погрѣшилъ даже и передъ своими читателями. Хотя бы онъ привелъ для нихъ мое опроверженіе „абсолютнаго скептицизма“, такъ чтобы читатели и сами увидали, какъ „легко я раздѣляюсь съ абсолютнымъ скептицизмомъ“¹⁾. А то они узнали отъ г. Мокіевскаго о моемъ легкомъ отношеніи къ абсолютному скептицизму, а въ чёмъ оно состоитъ, такъ и не узнали.

Случай второй. Г. Мокіевскій *отвѣтываетъ попытки къ столкновенію вмѣсто моихъ мыслей съ созданными имъ самимъ фантомами, отчего, разумѣется, никакой испытаний не происходитъ.*

На страницѣ 238 г. Мокіевскій отмѣчаетъ, что, будто бы „г. Козловъ въ разрядъ относительныхъ противниковъ философіи“ записываетъ не только потитивизмъ, но и „научную философію“, подразумѣвая подъ этимъ то философское направление, органомъ котораго въ Германіи является журналъ: *Vierleijahrschrift fü r wissenschaftliche Philosophie*. Во первыхъ, употребляя терминъ: „относительный скептицизмъ“, я *ниде* и *никогда* не употреблялъ, по моему, неудобнаго термина: „относительный противникъ“. Далѣе я и не думалъ подразумѣвать подъ терминомъ „научной философіи“ философское направление выше названного немецкаго журнала. Не думалъ подразумѣвать потому, что совершенно не признаю какой-то особой специальной *научной философіи* и нахожу этотъ терминъ также страннымъ, какъ страненъ былъ бы для меня, никакъ не употребляемый, терминъ: *научная физика* или *научная*

¹⁾ Мое опроверженіе абсолютнаго скептицизма находится на первой страницѣ означенной книги.

химія, если бы кто либо такимъ терминомъ хотѣлъ сказать, что будто есть и установлены какая-то научная и не научная физика или химія (хотя несомнѣнно есть сочиненія или статьи по физикѣ, или химії, не имѣющія научнаго достоинства, а потому могутція быть названы не научными сочиненіями или статьями).

А что г. Мокіевскій свою отмѣтку сдѣлалъ на основаніи не моихъ показаній, а *собственного воображенія*, вотъ доказательство. На стр. 2-й я говорю, что „скептицизмъ, отрицающій философію въ смыслѣ особой науки, рѣдко самъ называетъ себя скептицизмомъ, а разными другими именами, преимущественно же *позитивизмомъ*, и что въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ философіи онъ рѣдко употребляетъ прямо терминъ: философія, а отрицааетъ ее подъ терминомъ: *метафизика*. Бываетъ даже такъ, что этотъ скептицизмъ самъ признаетъ терминъ: философія, и противопоставляетъ себя философіи=метафизикѣ, какъ *научную философію*¹⁾. Изъ этого ясно, какъ день, что я ни единаго слова не сказалъ, изъ котораго можно было бы какънибудь вывести, что я подъ научной философіей разумѣю направлениe¹⁾ „Vierteljahrsschrift“ а. Ра-

¹⁾ Если, можетъ быть, иному читателю любопытно знать, какъ я отношусь къ этому журналу, то я вкратце обозначу это отношеніе. Направленіе этого вообще почтеннаго и дѣльного журнала я совершенно отказываюсь окрестить какимъ нибудь опредѣленнымъ именемъ, потому что въ немъ встрѣчаются статьи различныхъ цвѣтовъ и оттенковъ, по направлению. Есть писатели, которыхъ тенденціи можно назвать позитивистическими, но есть и такие, которые, очевидно, имѣютъ воззрѣнія метафизическихъ. Что касается до редакціи журнала, то болѣе строгимъ позитивистомъ былъ, по моему, покойный Герингъ. Воззрѣнія же теперешнихъ редакторовъ трудно окончательно опредѣлить; позитивисты могутъ считать ихъ своими, а метафизики могутъ основательно не уступать этого позитивистамъ. Что касается до ярлычка „научной философіи“, который пришиливаютъ редакція къ своему журналу, то я, къ сожалѣнію, не только не нахожу для того логическихъ оснований, но даже, признаюсь, вижу въ этомъ ярлычкѣ рекламный характеръ.

зумѣль же я въ выписанномъ мною мѣстѣ подъ терминомъ:— „научная философія“, названіе, которое даютъ своимъ философскимъ воззрѣніямъ многіе писатели и помимо „Vierteljahrsschrift“ какъ въ иностраннныхъ литературахъ, такъ и въ нашей, чemu примѣромъ можетъ служить хоть бы тотъ же г. Лесевичъ, давно уже выставляющій себя въ качествѣ научнаго философа (См. здѣсь же предыдущую статью). Да и покойный профессоръ Аландскій, о которомъ г. Мокіевскій говоритъ въ своей рецензіи (стр. 237), тоже, вѣдь, считалъ свои мнѣнія научною философіею. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти писатели, присвоивающіе своимъ произведеніямъ титулъ „научной философіи“, принадлежать къ позитивизму. Кстати, я долженъ ужъ и еще указать на одно мѣсто, гдѣ опять г. Мокіевскій невѣрно tolkуетъ мои слова и приписываетъ мнѣ то, о чёмъ я не говорилъ и не думалъ. На стр. 239 г. Мокіевскій говоритъ, что будто я „при перечисленіи философскихъ школъ упоминаю и о позитивизмѣ, феноменизмѣ и эволюціонизмѣ, хотя и заявляю, что эти направлениа имѣютъ въ основаніи невыносимое, по моему, contradictio in adjecto“. Здѣсь опять я долженъ сказать г. Мокіевскому, что я названныя имъ направлениа перечислялъ на стр. 22-й дѣйствительно, но никогда не заявлялъ, что эти направлениа имѣютъ въ основаніи contradictio in adjecto. На стр. 22-й я именно говорю: „въ сущности всѣ системы могутъ быть сведены къ философіи или абсолютнаго бытія, или абсолютной перемѣнѣ“. Первая признаетъ какое либо единое абсолютное начало въ основѣ всего, почитаемаго за сущее; вторая отвергаетъ единое начало и признаетъ только феноменальное бытіе (невыносимое, по нашему, contradictio in adjecto) въ абсолютной перемѣнѣ. Примѣромъ первой могутъ служить въ большинствѣ случаевъ идеализмъ, или спиритуализмъ, матеріализмъ, такъ называемый реализмъ, примѣромъ второй,— позитивизмъ, феноменизмъ, эволюціонизмъ, сенсуализмъ“.

Contradictio in adjecto называется въ логикѣ ошибка, состоящая въ такомъ соединеніи имени существительного съ прилагательнымъ.

тельнымъ, въ которомъ прилагательное противорѣчить смыслу того существительного, къ которому оно относится; напримѣръ, выраженіе: круглый квадратъ, есть *самое яркое и явное contradictio in adjecto*, потому что прилагательное: круглый, отрицаетъ смыслъ существительного: квадратъ. Такъ и въ выписанной мной фразѣ изъ моей книги я считаю за *contradictio in adjecto* выраженіе: „феноменальное бытіе“. Дѣло въ томъ, что феноментъ, т. е. явленіе, не имѣеть, по моему, никакого смысла, если нѣть субстанціи, для которой что либо является, и съ другой стороны нѣть субстанціи, которой дѣйствіе или видоизмѣненіе составляеть то, что называется явленіемъ. Явленіе существуетъ *въ субстанціи*, для *субстанціи*, *посредствомъ субстанціи*, поэтому, говоря точно, феноментъ, явленіе само по себѣ безъ субстанціи не существуетъ, не есть. Значитъ, въ выписанномъ мною мѣстѣ терминомъ: *contradictio in adjecto*, я обозначаю соединеніе существительного: „бытіе“, съ прилагательнымъ: „феноменальный“, т. е. „феноменальное бытіе“, (какъ не рѣдко выражаются позитивисты), а вовсе не какое-то „основаніе“ позитивизма, или феноменизма, какъ это толкуеть г. Мокіевскій.

Случай третій. Г. Мокіевскій видить столкновеніе между собою моихъ мыслей, высказанныхъ въ разное время, и опадаетъ въ недоразумленіе, которое я надѣюсь объяснить.

Въ моей книжкѣ я такъ опредѣлилъ философію: „философія есть наука о мірѣ, его познаніи и его отношеніи къ познающему субъекту“. Г. Мокіевскій предпочитаетъ этому опредѣленію опредѣленіе, данное мною въ „Философскихъ этюдахъ“ 12 лѣтъ тому назадъ, а именно: „предметъ философіи есть міръ, какъ цѣлое“. Конечно, 12 лѣтъ дѣло не маленькое въ личномъ развитіи человѣка; и могло бы случиться, что я могъ бы совершенно измѣнить свой взглядъ на философію и совершенно иначе опредѣлять ея предметъ. Не могу сказать, чтобы мои философскія убѣжденія остались совершенно неизмѣнными въ теченіи этихъ 12 лѣтъ, *но определеніе*

предмета філософії существенно осталось тѣмъ же. Какъ тогда, такъ и теперь я думаю, что предметъ філософії есть міръ, какъ цѣлое, но только теперь я высказалъ это определеніе, по моему, поинѣе и точнѣе. Развивая понятіе науки, или знанія въ приложениі его къ міру, я пополнилъ определеніе: „філософія есть наука о мірѣ“, словами: „его познаніи“. Далѣе, такъ какъ для познанія нужно, чтобы быть познающій и далѣе, такъ какъ этотъ познающій можетъ быть и есть въ другихъ отношеніяхъ къ міру кромѣ познанія, то я добавляю „и его отношеніи къ познающему субъекту“. Такимъ образомъ у меня и вышло: „філософія есть наука о мірѣ, его познаніи и его отношеніи къ познающему субъекту“.

Конечно, возможно, что какъ прежнее определеніе, такъ и теперешнее неудовлетворительно, и, если бы мнѣ кто либо объяснилъ эту неудовлетворительность и указалъ на болѣе удовлетворительное, то я былъ бы чрезвычайно благодаренъ и несомнѣнно отказался бы отъ своего определенія, но признать его неудовлетворительнымъ на основаніи, которое ставитъ г. Мокіевскій, я не могу. „Новое определеніе філософії“, говоритъ онъ, „данное г. Козловымъ, страдаетъ существеннымъ недостаткомъ: оно какъ бы ставить субъектъ внѣ міра. Въ самомъ дѣлѣ предметъ філософії есть міръ и отношеніе этого міра къ познающему субъекту. Точно отношеніе познающаго субъекта къ познаваемому не есть одно изъ явлений міра!“.

Я не вижу, чтобы, предполагая науку, или ученіе объ „отношениі міра къ познающему субъекту“, мы тѣмъ самымъ ставили бы „субъектъ внѣ міра“. Точно также предполагая ученіе объ отношеніи государства къ гражданину, или члену государства, мы тѣмъ самымъ, вѣдь, не ставимъ гражданина внѣ государства. Конечно, отношеніе познающаго субъекта къ міру выражается въ явленияхъ, принадлежащихъ къ міру же; но отчего же нельзя сказать, что філософія, какъ наука о мірѣ, заключаетъ въ себѣ, какъ

самую важную сторону, отношение субъекта къ міру въ познаніи и кромъ познанія въ другихъ дѣятельностяхъ, гдѣ міръ становится для субъекта средствомъ для его цѣлей? Сказать особо объ этомъ отношеніи кажется мнѣ тѣмъ болѣе нужнымъ, что важнѣйшая сторона дѣятельности человѣка въ мірѣ, именно этическая, составляетъ необходимую принадлежность философіи. Конечно, я оспоривать не стану, что, какъ говоритъ г. Мокіевскій (стр. 239), „этика не имѣть смысла въ обществѣ“, но нахожу этого недостаточнымъ. Этика не имѣть смысла не только въ обществѣ, но и вообще въ міре. Этическія дѣйствія наши не исчерпываются нашимъ отношеніемъ къ однороднымъ съ нами существамъ, но могутъ быть по отношенію и къ разнороднымъ. Точно также не безъ основанія я сказалъ, что „этика есть ученіе объ идеалѣ, соответствующемъ метафизической сущности міра“. Основаніе для этихъ словъ лежитъ въ томъ моемъ воззрѣніи, что *должное* или *долженствующее бытие* есть основное понятіе этики. Такъ какъ объективно это *должное*, которое рѣшительно не должно быть смѣшиваемо съ *будущимъ*¹⁾, не подлежитъ пространству, времени и причинности, то, конечно, оно всегда *идеально* по отношенію къ нашимъ дѣйствіямъ, происходящимъ во времени, а потому и эти времененныя наши дѣйствія тогда только получаютъ характеръ моральныхъ, когда руководящимъ принципомъ нашего дѣйствія служить *этотъ идеалъ*, совпадающій не съ времененнымъ, а съ вѣчнымъ неизмѣннымъ міропорядкомъ, связующимъ все бытіе міра въ безусловное единство²⁾.

1) Будущее не есть *должное*, а механически *необходимое*, вытекающее неизбѣжно изъ прошедшаго и настоящаго.

2) Къ сожалѣнію я теперь не могу пуститься въ изложеніе своихъ воззрѣній на этику и замѣчу только, что для меня, такъ называемая, эмпирическая этика представляется крупнымъ недоразумѣніемъ и смѣшениемъ понятій. Но объ этомъ когда нибудь послѣ.

Если на сказанное мною сейчас г. Мокіевскій или кто либо другой можетъ сказать, что зачѣмъ же я всего этого не объяснилъ въ своей книжкѣ, то я отвѣчу слѣдующее.

Разбираемая г. Мокіевскимъ книжка представляетъ начало задуманнаго мною курса исторіи философіи, если не всей, то хотя части, именно древней философіи. Само собою разумѣется, что этому курсу я долженъ быть предпослать самое краткое изложеніе общихъ понятій, относящихся къ философіи, напр., определеніе философіи, ея составъ, ея отношеніе къ другимъ наукамъ, ея система и т. п. Конечно это краткое объясненіе не могло быть вполнѣ обоснованнымъ и развитымъ изложеніемъ самой философіи или, говоря точнѣе, изложеніемъ той философской системы, которой я слѣдую; поэтому обосновка, доказательство основныхъ понятій философіи мною не могли быть даны подробно, хотя и предполагаются имѣющимися у меня. Однимъ словомъ, исторія философіи есть совсѣмъ различное дѣло съ системой философіи; и я думаю, что въ главахъ, нозаглавленныхъ мною рубриками: понятіе философіи и понятіе исторіи философіи, я сдѣлалъ во всякомъ случаѣ не менѣе того, чѣмъ сдѣлано и въ другихъ курсахъ исторіи философіи, и требовать съ меня болѣе было бы несправедливо.

Точно также и въ другомъ мѣстѣ своей рецензіи, мнѣ кажется, г. Мокіевскій предъявляетъ ко мнѣ незаконное требованіе. Онъ сожалѣтъ (стр. 241), что я „слишкомъ бѣгло прошелъ вопросъ о причинахъ разнообразія философскихъ системъ“ и, что я „не остановился и не подвергъ эту причину специальной разработкѣ“. „Тогда“, говоритъ г. Мокіевскій, „дѣло представилось бы нѣсколько въ иномъ видѣ, и объединеніе философіи едва ли покапалось бы автору такимъ легкимъ дѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, некоторые философы видѣтъ причину разногласія въ грозныхъ антиноміяхъ, стоящихъ передъ философски мыслящимъ умомъ. Такъ, напр. Ренувье въ своемъ двухтомномъ сочиненіи: „*Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques*“, признаетъ существованіе шести таковыхъ антиномій и т. д.“.

Смѣю увѣрить моего почтенного рецензента, что мнѣ знакомо не только имъ обозначенное сочиненіе Renouvier, но и многія другія его сочиненія, и что я, вѣроятно, первый сказалъ нѣсколько словъ о Renouvierъ въ Россіи въ книгѣ, изданной въ 1878 г. („Философія дѣйствительности и пр.“ А. А. Козлова 1878 г. н.см. стр. 129). Далѣе, смѣю увѣрить г. Мокіевскаго еще и въ томъ, что мнѣ известны классификаціи системъ не только Renouvier, но и многихъ другихъ философовъ, и что всѣ эти известныя классификаціи были приняты мною въ соображеніе, когда я размышлялъ объ этомъ важномъ предметѣ. Но эти классификаціи показались мнѣ неудовлетворительными, и я послѣ долгихъ сомнѣній остановился наконецъ на классификаціи, высказанной мною въ разбираемой г. Мокіевскомъ книгѣ. Но по сейчасть означеннымъ причинамъ я въ этой же книжкѣ, конечно, не могу объяснить, почему неудовлетворительна известная мнѣ классификаціи Renouvier или какого либо другаго философа. Вся эта внутренняя работа сомнѣній, колебаній, взвѣшиваній и критическихъ соображеній можетъ быть только тогда высказана, если я когда либо буду писать систематическое сочиненіе по философії. Точно также я не могу войти теперь въ изложеніе оснований моего несогласія съ Renouvier, ибо это изложеніе должно было бы разрастись въ очень большую статью.

Этимъ я и ограничусь въ своемъ объясненіи съ г. Мокіевскимъ по поводу его рецензіи. Въ заключеніе я еще разъ поблагодарю г. Мокіевскаго за вниманіе къ моей книгѣ и заявляю, что въ его замѣчаніяхъ на мою книгу не вижу никакой предъумышленности и предвзятости. Нѣкоторая же ложная истолкованія моихъ словъ я объясняю его поспѣшностью и рвениемъ обличить ошибки и заблужденія *завзятаго метафизика*, имѣющаго дерзость въ наше „научное“ время открыто, безъ всякихъ умолчаній и прикрытій, провозглашать законность *только одной* метафизической философіи и отрицать философское значеніе „позитивизма, феноменизма и эволюціонизма“.

Въ доказательство же моихъ самыхъ искреннихъ отношеній къ г. Мокіевскому я на прощаніе пожелаю и ему перейти всецѣло въ лагерь метафизиковъ, если, какъ вѣроятно, онъ въ немъ не находится.

А. Козловъ.

Parallel memory management and multi-